

Хроники Города



Корт Пайнвуд

Корт Пайнвуд Хроники Города АШ

<https://litres.ru/74023293>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Бог создал человека, потому что разочаровался в обезьяне. После этого он отказался от дальнейших экспериментов", – говорил один мудрец. Жители города АШ (Н) это прямое тому подтверждение.

Хроники этого загадочного, утопического и насквозь пропитанного меланхолией места сотканы из историй его обитателей. Каждая новелла – это зеркало. В одних отражается злая сатира на человеческие пороки, в других же – тонкая ирония или глубокая личная трагедия.

Содержание

Гараж	4
Сумерки Микрорайона	7
Суеверия и Сказки	10
Бесы	16
Клиент Всегда Прав	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Хроники Города АШ

Гараж

На самой окраине города Аш, где частный сектор лениво переходит в глухую промышленную зону, застыло время. Здесь, выстроившись в бесконечные, ровные ряды, спят железные коробки. Среди сотен безмолвных собратьев стоит он — самый обычный региональный гараж из штампованных металлических листов. Его бока покрыты слоями старой, выцветшей зелёной краски, которая местами вздулась и отвалилась, обнажая ржавые, шершавые подтёки. Внутри него царит абсолютный, нерушимый покой, замешанный на густом запахе пыли, сухой земли и старого моторного масла. В самом углу, намертво прирастая к земляному полу, грустит совковая лопата. Её деревянный черенок давно высох и треснул, а лезвие покрылось ровным слоем седой паутины. Посреди пустого пространства висит грубый стол, наспех сколоченный из толстых досок. На его поверхности всё ещё можно разглядеть тёмные въевшиеся круги от консервных банок и глубокие царапины, оставленные когда-то тяжёлыми гаечными ключами. Когда-то давно здесь кипела жизнь. Здесь был Мужчина. Он громко хлопал тяжёлыми створками ворот, курил крепкие сигареты, возился с мотором старого автомобиля и напевал под нос простые мотивы. Но Мужчина

ушёл. Ушёл так давно, что само железо начало забывать тепло его рук. И теперь, запертый в своём одиночестве, железный короб изо дня в день безмолвно смотрит на мир сквозь узкую, едва заметную щель в проржавевших воротах.

Где же мой дорогой хозяин? — этот немой вопрос эхом бьётся о пустые металлические стены. Куда Он пропал? Зачем Он так?

За его пределами жизнь города Аш идёт своим чередом. Слева, у сорок второго гаража, сосед постоянно обхаживает старенькую «Волгу»: ласково подкрашивает крылья, протирает стёкла фланелевой тряпкой, возится с карбюратором. Справа, в тридцатом, мужики громко спорят о политике, пьют чай из термоса и паяют древний радиоприёмник. Весь кооператив шумит, двигается, живёт. Соседние гаражи постоянно открываются, впуская внутрь людей, тепло и голоса. И только этот зелёный коробок остаётся безучастным памятником ушедшему времени.

Где же мой дорогой хозяин? — снова и снова проносится в пыльной темноте. Куда Он пропал? Зачем Он так со мной? Лето в провинции Аш всегда наступает душно и резко. Вот и теперь жаркий, плавящийся май обрушился на железные крыши кооператива. Воздух над рядами коробок дрожал от зноя. Казалось, эта сонная тишина продлится вечно. Внутри гаража всё так же неподвижно стоял стол, всё так же сиротела лопата в углу, и всё так же без ответа оставался застывший в воздухе вопрос: Зачем Он так?.. Но вдруг тишину разорвал

резкий, скрежещущий звук. Тяжёлый засов, не двигавшийся много лет, сорвался с места. Ржавые петли пронзительно, почти испуганно вскрикнули. Ворота поддались, и внутрь хлынул бесстыдный, ослепительный солнечный свет, мгновенно разрезая многолетний сумрак и поднимая в воздух миллиарды золотых пылинок. На пороге стояли подростки. Трое ребят с растрёпанными волосами и охапкой странных вещей в руках. Вместо удочек, запчастей или ящичков с инструментами они притащили старый гитарный усилитель со сбитыми углами, смотанные кольцами черные провода и дешёвую электрогитару с потрескавшимся лаком. Один из них шагнул к деревянному столу, смахнул ладонью вековую пыль и обернулся к друзьям с широкой улыбкой. Через минуту комбик издал глухой, нарастающий гул, и по металлическим листам гаража — от самого земляного пола до раскалённой крыши — ударил первый, робкий, но оглушительный гитарный аккорд. Группа заняла своё место. Старый гараж снова стал кому-то нужен.

Сумерки Микрорайона

Сумерки в городе Аш всегда пахнут одинаково — остывающим асфальтом, горькой берёзовой пылью и далёким, едва уловимым дымом из труб частного сектора. В это время спальные районы медленно погружаются в сизый, густой полумрак. В серых бетонных многоэтажках одна за другой загораются жёлтые и квадратные кухонные окна, похожие на бесконечные ячейки гигантского улья.

Там, в неоновом сердце центра, кипит совсем другая жизнь. Там сверкают витрины, шумит музыка в барах, и молодёжь заполняет яркие вечерние улицы, растворяясь в бессмысленном шуме. Но он идёт в противоположную сторону. Он давно отрёкся от этого городского фальшивого блеска. Угловатые силуэты бетонных коробок, в которых люди добровольно запирают себя каждый вечер, вызывают у него лишь глухую, давящую тоску. Его маршрут всегда лежит туда, где заканчиваются тротуары, где цивилизация ломается и отступает, уступая место безлюдным пустырям и тёмным, замершим перелескам. Город Аш на этой окраине выглядит странно — как нелепая, хаотичная смесь из глухого серого бетона и хрупких белых берёз. Деревья здесь прорастают прямо сквозь трещины в старых плитах, словно пытаются залечить раны, нанесённые земле человеком. Его дом на эту ночь — заброшенный, дикий берег местной реки, куда уже

давно никто не приходит. Здесь нет уличных фонарей, только блёклая луна отражается в тёмной, лениво текущей воде. Всю ночь, пока микрорайон спит своим тяжёлым сном, он сидит на коленях у самой кромки воды и строит замки. Он бережно, горсть за горстью, собирает влажный, холодный песок, возводит высокие шпили, лепит хрупкие стены и глубокие оборонительные рвы. Он вкладывает в эти эфемерные постройки всего себя, всю свою нерастраченную нежность и глухую внутреннюю философию. Он строит их до тех пор, пока очередная тяжёлая, равнодушная ночная волна не слизывает песчаные башни, оставляя после себя лишь идеально гладкое, мокрое место. Замок рушится. Вся его работа исчезает за секунду. Он замирает, глядя на свои пустые, испачканные руки, и в сотый раз задаёт себе один и тот же вопрос: «Что-то не так с этим песком или что-то не так со мной?» Он — погрязший в собственном сплине человек, застрявший между миром живых людей и абсолютным одиночеством природы. Зачем он здесь, на этом холодном берегу, вдали от тепла и уюта? Это вечный, риторический вопрос, на который город Аш никогда не даст ответа. Бетонные стены микрорайона будут молчать, а берёзы — тихо шелестеть над его головой. А он просто продолжит сидеть в сумерках у воды, зная, что следующая волна обязательно придёт. Он сидит в темноте, и этот холодный пляж кажется ему обитаемым островом. Островом для тех, кто не поместился в душные бетонные коробки микрорайона. У него есть имя. Его зовут

Авель Майерс. Имя звучит чуждо для этих мест, словно его, как и этот песок, вынесло сюда случайным течением. У Авеля нет друзей в центре города, нет тех, с кем можно делить вечерний смех. Но он не один. Его соседи — стрекочущие в глухой ночи кузнечики, чья невидимая суета в траве заменяет ему гул городских дорог. А еще — бродячие псы. Они выходят из темноты перелеска медленно, осторожно, опустив головы к самой земле. Это заблудшие на пляж неумолимой и вечной реки души, такие же бездомные и неприкаянные, как и сам Авель. Собаки не лают. Они просто садятся неподалёку на влажный песок, тяжело вздыхают и смотрят вместе с ним на воду. На то, как река катит свои тёмные волны, смывая остатки песчаных стен. На то, как город Аш растворяется в сизом тумане. Кузнечики плетут свой бесконечный ночной узор из звуков, псы стерегут его одиночество, а Авель Майерс снова протягивает ладонь к сырому песку.

Суеверия и Сказки

Каждая провинциальная семья несёт в себе свой особенный, скрытый от чужих глаз абсурд. Детство Ричарда проходило в декорациях удушливой, звенящей строгости. Его отец был бесконечно нудным доктором, который, казалось, и вовсе не жил дома, навсегда растворившись в бесконечных дежурствах городской больницы. Мать же представляла собой хрестоматийный пример кризиса среднего возраста, который нагнал её слишком рано — прямо в двадцать пять лет, превратив её жизнь в череду беспричинных упрёков и тоскливых вздохов. В этом холодном взрослом мире маленькому человеку было не за что уцепиться. Поэтому у Рича появился Рикки. Рикки был его воображаемым другом. Он не имел ничего общего с выдуманными монстрами или ангелами — он был удивительно открытым, честным и весёлым парнем. Рикки знал сотни нелепых городских примет, но рассказывал о них без всякой злости или желания напугать. — Ягоды волчьей, не нюхай — отвалится нос, — деловито предупреждал он Ричарда, когда они пробирались сквозь заросли у забора. Или, шагая по потрескавшимся бетонным квадратам тротуаров города Аш, Рикки внимательно следил за ногами друга и наставлял: — Ходи, не наступая на швы. Один человек вот так наступил — и пропал куда-то. А позже его нашли, но уже без головы. Для Ричарда Рикки быстро стал тем

самым идеальным старшим братом, о котором втайне мечтает каждый ребёнок. Не тем настоящим старшим братом, который отбирал бы любимые игрушки, больно щелкал по лбу и обманом перекладывал на маленького Рича вину за разбитую мамину вазу. Ричард часто думал о детях из других семей: откуда у их старших братьев берётся эта глухая, бессмысленная злоба? Наверное, этим вопросом задавался каждый младший ребёнок, засыпая в своей кровати. Но Ричу повезло больше — у него был Рикки. Всё изменилось в ночь перед двенадцатилетием Ричарда. Это была последняя ночь перед его вступлением во взрослую, угловатую подростковую жизнь. Рикки пришёл, когда по комнате поползли длинные ночные тени. Он тихо сел на край кровати, посмотрел на Ричарда своим привычным тёплым взглядом и решил оставить ему последнее, самое главное наставление. — Знаешь, Дик... Я ведь тоже когда-то считал, что родители постоянно врут, — Рикки заговорщически подмигнул. — А потом оказалось, всё гораздо проще. Они не врут. Они просто путают правду и ложь. Ричард уже засыпал. Глаза наливались тяжёлой свинцовой дремотой. Он слушал этот тихий голос, сам того не зная, в самый последний раз в своей жизни. Но слова Рикки пробились сквозь пелену надвигающегося сна. Там, в полузабытьи, Ричард бережно принял этот совет, превратив его в своё главное жизненное кредо. Школьные будни Ричарда, оставшегося без Рикки, не имели ничего общего с кадрами из глянцевого американского кино двухтысячных.

Не было ни крутых вечеринок у бассейна, ни ярких школьных шкафчиков, ни уверенных улыбок. Реальность города Аш оказалась куда приземлённее: первые упрямые прыщи, жидкие подростковые усы, сковывающая по рукам и ногам стеснительность и паника. Лёгкая, ненавязчивая, но абсолютно постоянная паника перед каждым вызовом к доске и каждым косым взглядом одноклассников. Бродя в одиночестве по бесконечным, пропахшим хлоркой школьным коридорам, Рич то и дело выуживал из памяти старые, полузабытые фразы своего воображаемого брата.— Не стоило свечи жечь ради вызова Пиковой Дамы, — мысленно шептал ему голос из детства, — гаси их скорее, пока она не пришла. Или в другие дни, когда тревога подступала к самому горлу:— Посыпай скорей сахаром соль, не то поссорятся мама с папой... И эти слова вдруг начинали крутиться в его голове бешеной, безумной каруселью. В такт шагам по зашарканному линолеуму, в такт каплям, бегущим по стеклу кабинета математики. Сахар, соль, ссора, мама и папа. Сахар, соль, ссора, мама, ссора. Соль, ссора, мама, папа. Сахар, соль, ССОРА, МАМА, ПАПА! СОЛЬ! САХАР, СОЛЬ, ССОРА... СОЛЬ... ССОРА... Заклинание ломалось, рассыпалось на острые кристаллики, которые кололи изнутри. Ричард зажмурился, пытаясь остановить этот мысленный гул, но за пределами его головы ничего не менялось. Всё те же серые. Скучные. Провинциальные школьные будни. К двадцати годам Ричард окончательно превратился в образцового параноика из так

называемой «приличной» семьи. Офис, в котором он теперь работал, напоминал чистилище для несбывшихся надежд. Здесь, под монотонный, высасывающий душу гул компьютерных экранов и непрекращающееся пицание клавиатур, трудились десятки таких же, как он. Все эти клерки вокруг когда-то мнили себя рок-звездами, великими художниками или популярными деятелями шоу-бизнеса, но их потные, тяжёлые пальцы изо дня в день послушно вбивали отчёты в одинаковые таблицы. В этом пространстве Ричард развил в себе суперспособность: он научился безошибочно считывать шаги начальника по коридору задолго до его появления. И каждый раз, когда этот тяжёлый стук приближался к его столу, в голове Рича вспыхивали панические, оглушительные крики души: Нет-нет-нет! У меня иммунитет, у меня иммунитет, У МЕНЯ ИММУНИТЕТ, на мне броня! НА МНЕ БРОНЯ, НЕТ, НЕТ, НЕТ, У МЕНЯ ИММУНИТЕТ! Каждый. Божий. Раз. Изо дня. В день. Если подростковая паника в школьные годы была постоянной, но хотя бы глухой и ненавязчивой, то нынешняя, взрослая, не сбавляя оборотов постоянства, стала невыносимо сильнее. Она сжимала виски и не давала дышать. Вечерами, пытаясь сбежать от этого офисного ада, Ричард подолгу прогуливался по городку Аш. Иногда он останавливался у детских площадок в глубине дворов, окружённых серыми панельками. В эти минуты заходящее солнце озаряло всё вокруг яркими, почти неестественными цветами заката. Рич смотрел на беззаботно играющих

детей и отчаянно пытался успокоить бушующую внутри бурю. Но получалось откровенно плохо. Паника, подпитанная детскими суевериями и взрывоопасной взрослой паранойей, взрывала мозг изнутри новыми заклинаниями: Нет-нет-нет, всё небезопасно и неаккуратно, я никому не верю. Не верю себе, я плохой, Я НАКАЗАН! Нет-нет-нет, я умываю руки... Рука руку пачкает, всюду ЗАРАЗА! Нет-нет-нет, я говорю не то, подожди, я слова забираю обратно, паранойя, изыди! НУ ПОЖАЛУЙСТА!!! Вечерний закат догорал, окрашивая бетонные стены панелек в багровый цвет, а Ричард стоял посреди этого тихого двора, задыхаясь от собственного воображаемого щита, который уже давно превратился в его личную тюрьму. В конце концов хрупкий мир Ричарда окончательно дал трещину. Абсурдная реальность города Аш вынесла свой вердикт: за ним приехали санитары, чтобы увезти туда, где стены обиты мягким войлоком. Когда белые халаты зашуршали в дверях, в его сознании испуганной ящерицей скользила одна-единственная, заезженная до дыр мысль: «НЕТ! НЕТ! НЕТ! У МЕНЯ ИММУНИТЕТ!» Но никакого иммунитета от жизни у него не было. Перед тем как навсегда изолировать Ричарда от общества, закон предписывал бюрократическую милость: ему разрешили ровно один последний день побыть в городе. Свободный день среди серых панелек и берёз. И именно в эти прощальные часы последняя фраза его детского воображаемого друга — те самые слова Рикки о том, что взрослые просто путают правду и ложь — вне-

запно щёлкнула в его голове. Механизм сработал совсем не так, как должен был, но система дала сбой. Ричард понял: если этот мир соткан из путаницы и бумажек, значит, бумажками его можно переиграть. Он бросился в паспортный стол города Аш и подал официальное заявление на смену имени. Отныне он хотел зваться Рикки. Провинциальная бюрократия оказалась сильнее любой паранойи. Оформление документов затянулось. Нельзя было принять пациента в лечебницу без чётко установленного имени, а паспортный стол работал со скоростью ленивой улитки. Справки терялись, печати блекли, чиновники уходили в бесконечные отпуска. Эта абсурдная бумажная волокита подарила ему целых семь лет призрачной, странной свободы. Лишь в возрасте двадцати семи лет Ричард, теперь уже официально ставший Рикки, был окончательно препровождён в тихую обитель скорби. А в тридцать три года он тихо скончался в своей палате — словно Иисус, завершив свой земной путь на пике возраста Христа. Человек, который всю жизнь пытался спастись от выдуманных ссор, обрёл свой окончательный, вечный иммунитет.

Бесы

Внутренние демоны города Аш никогда не спали. Они рождались на стыке вечной провинциальной тишины и глухого человеческого страха, выбирая своими укрытиями самые тёмные углы человеческих душ. Для Митчелла Хорникорна эти демоны были осязаемыми спутниками с самого раннего детства. Митчелл рос удивительно тихим и пугливым ребёнком. Мир вокруг казался ему огромным, враждебным механизмом, который ежесекундно грозил раздавить его своим шумом, резкими звуками и чужими, оценивающими взглядами. Настоящий интроверт, законченный социофоб, он с малых лет выстроил вокруг себя невидимую, но неприступную крепость. Пока другие дети с криками носились по разбитым дворам микрорайона, Митчелл часами сидел на подоконнике своей комнаты, занавесившись плотной шторой. Он разглядывал узоры на обоях или следил за тем, как медленно ползут капли дождя по стеклу, искренне надеясь, что мир снаружи просто забудет о его существовании. Громкий стук в дверь, неожиданный звонок телефона или необходимость зайти в переполненный школьный класс вызывали у него глухую, удушливую панику. Сердце начинало стучать где-то в горле, а пальцы леденели. Ему казалось, что каждый человек на улице видит его слабость, его пугливую, обнажённую душу. Годы шли, но взрослая жизнь не принес-

ла Митчеллу избавления. К двадцати годам его изоляция от мира достигла абсолюта. Город Аш с его серыми панельками, бесконечными очередями в магазинах и тоскливыми лицами прохожих давил на него сильнее прежнего. Митчелл устроился на удалённую работу, превратив свою небольшую квартиру на окраине в настоящее убежище. Выход на улицу за продуктами превращался в сложную спецоперацию: он выбирал самые глухие часы, натягивал капюшон до самого носа, прятал глаза в асфальт и молил бога, чтобы никто из соседей не вздумал с ним заговорить. Внутри него по-прежнему жили те самые маленькие демонята — страх показаться глупым, паника перед чужим осуждением, ужас одиночества и одновременно ужас перед любым человеческим контактом. И именно в этот момент, когда его одиночество стало почти осязаемым, в его жизни появилась Хилен Фидлвуд. Их знакомство произошло случайно, по переписке на каком-то старом, полузабытом форуме, где собирались такие же неприкаянные души города Аш. Хилен была полной противоположностью тому миру, от которого Митчелл так отчаянно прятался. Удивительно опрятная, спокойная, с тихим, умиротворяющим голосом, она обладала редким даром — умением слушать и понимать чужую тишину. В ней не было той провинциальной резкости и наглости, которая так пугала Митчелла в местных жителях. Хилен оказалась абсолютно адекватной, зрелой девушкой, которая не пыталась переделать Митчелла или силой вытащить его из раковины.

Она просто встала рядом, готовая оберегать его хрупкий покой. Их отношения развивались медленно, как будто Хилен приручала дикого, напуганного зверька. Митчелл безумно боялся первой встречи. В день, когда они договорились увидеться в тихом сквере у старой берёзовой рощи, его паника едва не заставила его запереться в ванной и отключить телефон. Маленькие демонята в его голове кричали: «Уходи! Она посмеётся над тобой! Ты покажешься ей странным! Беги обратно в свою темноту!» Но Хилен пришла. Она была в аккуратном светлом пальто, пахнущем весенним дождём, а в её руках был термос с горячим чаем. Увидев, как у Митчелла дрожат пальцы и как он не может поднять на неё глаза, она не стала задавать лишних вопросов и фальшиво улыбаться. Она просто молча протянула ему тёплую кружку, села на край лавочки и заговорила о каких-то пустяках — о забавных кузнечиках, которых видела по дороге, о том, как красиво заходит солнце за серые крыши микрорайона. Её голос действовал как анестезия. Рядом с ней паника Митчелла впервые за много лет начала медленно, неохотно отступать. Забота Хилен была ненавязчивой, но абсолютной. Она взяла на себя всё то, что для Митчелла было источником невыносимого страха. Хилен сама ходила с ним в магазины, незаметно заслоняя его собой от назойливых продавцов или шумных компаний. Когда к Митчеллу должны были прийти проверяющие из коммунальных служб — событие, которое обычно выбивало его из колеи на несколько дней, — Хилен про-

сто приезжала пораньше, заваривала чай и сама открывала дверь, спокойно улаживая все вопросы, пока Митчелл тихо сидел в дальней комнате, чувствуя себя в полной безопасности под её защитой. Она прощала ему его пугливость. Когда посреди ночи у Митчелла случался очередной приступ беспричинной тревоги, и ему казалось, что стены его квартиры сжимаются, Хилен не спала вместе с ним. Она обнимала его за плечи, гладила по взъерошенным волосам и тихо шептала на ухо:— Всё хорошо, Митч. Я здесь. Никто тебя не тронет. Демоны ушли. Митчелл смотрел на неё со смесью обожания и страха. Он не понимал, за что эта чистая, адекватная девушка выбрала его — сломанного, испуганного клерка, который боится собственной тени. Но Хилен не искала причин. Для неё забота о Митчелле не была обузой, это была её естественная потребность, её способ любить. Она видела за его социофобией тонкую, добрую и невероятно честную душу, которую просто нужно было защитить от жестокости города Аш. Их маленькая вселенная держалась на этом хрупком балансе: пугливость Митчелла сталкивалась с безграничным терпением Хилен, и в этом столкновении рождалось что-то по-настоящему живое и тёплое. Маленькие демонята всё ещё прятались в углах его сознания, но теперь, когда Хилен держала его за руку, их шёпот становился всё тише и тише. За окном окончательно стемнело. Комната Митчелла погрузилась в мягкий, тёплый полумрак, который рассеивался лишь блёклым светом уличного фонаря, пробивавшимся сквозь

полузакрытые шторы. На деревянном столике у дивана остывали две кружки с недопитым чаем. Хилен сидела поджав под себя ноги, укутавшись в старый вязаный плед, и внимательно смотрела на Митчелла. Митч нервно крутил в руках чайную ложку, упорно не поднимая взгляда. По его бледным пальцам было видно, как сильно он напряжён. Внутри него снова поднимали головы те самые демонята, упрямо шепча, что этот разговор разрушит всё. — Хилен, я... я должен тебе кое-что сказать, — тихо, почти беззвучно начал он, и ложечка в его руках жалобно звякнула о край фарфора. — Только пообещай, что не уйдёшь сразу. Хилен мягко улыбнулась. Её взгляд оставался абсолютно спокойным, без капли фальшивого любопытства. — Митч, я здесь. Я никуда не собираюсь уходить. Говори всё, что нужно. Митчелл глубоко вздохнул, будто перед прыжком в холодную воду реки Аш. — Они... они всегда со мной, Хилен. Мои бесы. Это не просто метафора про страх или плохое настроение. Это настоящие маленькие демонята, которые живут прямо у меня за спиной. Сначала, когда я был совсем маленьким, я дико пугался. Каждую ночь забивался под одеяло, зажимал уши руками, до крови кусал губы, лишь бы не слышать этот шёпот. А потом... потом я просто привык. Понимаешь? Человек ко всему привыкает. Хилен не перебивала его. Она лишь чуть ближе придвинулась к нему, не нарушая его личных границ, но давая почувствовать своё тепло. — И что они делают, Митч? — тихо спросила она, наклонив голову. — Они

играют со мной, — Митчелл горько усмехнулся, и в его глазах блеснул странный, лихорадочный огонёк. — Да. Потому что больше никто во всём этом проклятом городе со мной не играет. Люди в центре, эти клерки, соседи по панельке — им наплевать. Я для них пустое место. А бесы — нет. Они приходят, когда загораются фонари. Знаешь, у меня совсем нет улик. Нет никаких доказательств для этого мира, чтобы они мне поверили. Если я пойду к доктору, как пошёл бедняга Ричард, меня закроют там же. У меня нет ничего осязаемого... только голоса за моей спиной. Постоянные, тихие, колючие голоса. Они комментируют каждый мой шаг. Говорят, что я глупый, что я всё делаю не так, что я обязательно ошибусь. Митчелл замолчал, ожидая, что сейчас Хилен испуганно отпрянет, назовёт его сумасшедшим или начнёт жалостливо успокаивать, как больного. Паника внутри него взлетела до максимума. Но Хилен отреагировала совсем иначе. В её глазах не было страха. Там зажётся искренний, глубокий интерес, смешанный с той самой прежней, убаюкивающей тёплой заботой, которая всегда спасала его. — Расскажи мне, о чём они говорят прямо сейчас? — мягко попросила она, протягивая руку и накрывая своей ладонью его ледяные пальцы. Митчелл вздрогнул от прикосновения, но руку не убрал. — Сейчас?.. Сейчас они злятся, Хилен. Они кричат мне в затылок: «Заткнись! Зачем ты ей рассказываешь? Она уйдёт! Она посмеётся над твоими песчаными замками!» Они боятся тебя. Потому что когда ты рядом, их голоса становятся

ся тише, словно их глушит какая-то невидимая стена. Хилен чуть крепче сжала его ладонь, делясь своим спокойствием. — Пусть кричат, Митч. Мы не будем им мешать. Если им хочется играть — пусть играют, но теперь в этой комнате нас трое. Точнее, четверо, если считать их всех. И я не собираюсь уходить из-за того, что кто-то шепчет тебе за спиной. — Ты правда не боишься меня? — Митчелл наконец поднял на неё глаза, полные отчаянной надежды и детской уязвимости. — Я ведь сломанный. Я параноик. Я боюсь выйти за хлебом без твоего присутствия. — Ты не сломанный, Митчелл, — Хилен качнула головой, и её светлые волосы поймали блик уличного света. — Ты просто чувствуешь этот город тоньше, чем другие. Город Аш высасывает из людей душу, превращая их в роботов. А ты сохранил её, пусть она и прячется за этими голосами. Мне интересен ты весь — вместе с твоей тишиной, твоей пугливостью и твоими демонятами. Мы просто научимся жить с ними вместе. Хорошо? В комнате снова воцарилась тишина, но теперь она была совсем другой. Это была не давящая тишина пустого заброшенного гаража или холодного пляжа Авеля. Это была живая, уютная тишина, в которой маленькие демонята Митчелла впервые за двадцать лет послушно поджали хвосты и замолчали, бессильные перед лицом настоящей, принимающей заботы. Весь следующий день город Аш казался необычайно тихим, словно убаюканный тяжёлым, майским зноем. Митчелл и Хилен гуляли по старинному парку имени Чехова — единственному зелё-

ному островку среди унылого океана серых панельных многоэтажек. Здесь, под раскидистыми кронами вековых дубов и столетних осин, время словно замедляло свой сумасшедший бег. Шелест листвы высоко над головой создавал плотную, осязаемую стену, бережно отсекающую влюблённых от суеты центральных улиц. Настоящий природный купол, под защитой которого маленькие демонята Митчелла испуганно забились на самое дно его сознания, не смея пикнуть. Они ходили по заброшенным, заросшим подорожником аллеям часами. Солнечные зайчики, пробиваясь сквозь густую зелень, тёплыми пятнами скользили по лицу Хилен, делая её и без того мягкие черты почти прозрачными, нереальными. Митчелл ловил себя на мысли, что впервые в жизни он идёт по улице, не втянув голову в плечи и не пряча глаза в растрескавшийся асфальт. Ему было легко. Они говорили обо всём на свете: о детских сказках, о ржавых гаражах на окраине, о странном парне Авеле, которого кто-то видел на речном пляже. Но больше всего Митчелла завораживала сама Хилен. Её спокойствие не было маской, оно шло откуда-то из самой глубины. — Знаешь, Хилен, — негромко произнёс Митч, перешагивая через толстый, узловатый корень дуба, вылезший прямо на тропинку. — Ты так легко справляешься с моими страхами. Как будто у тебя есть секретная инструкция к человеческим поломкам. Откуда в тебе эта безграничная готовность возиться со мной? Хилен тихо рассмеялась, и этот звук показался Митчеллу чище, чем звон хрусталя. Она

остановилась у раскидистой осины, прислонилась спиной к её прохладной, шершавой коре и посмотрела на него со своей неизменной тёплой заботой. — Всё гораздо проще, чем ты думаешь, Митч. Никакого волшебства. Просто я каждый день вижу сотни таких же сломанных людей, как ты. Только они, в отличие от тебя, пытаются притворяться нормальными. — Где же ты их видишь? — удивился Митчелл. — В аптеке на углу Ленина и Строителей, — спокойно ответила она, поправляя выбившуюся прядь волос. — Я ведь работаю аптекаршей, Митч. Обычным провизором за стеклянной витриной. Мой рабочий день — это бесконечная очередь из жителей города Аш. Они приходят ко мне со своими тайными болями. Кто-то просит сильное успокоительное, потому что у него руки трясутся от офисного гула. Кто-то умоляет продать снотворное без рецепта, потому что не может уснуть в своей бетонной коробке из-за кошмаров. Митчелл замер, поражённый этой простотой. Мир Хилен, который казался ему таким возвышенным и недостижимым, оказался прочно связан со скрытыми страданиями всего города. — И каково это? — тихо спросил он, подходя ближе. — Стоять по ту сторону стекла и смотреть на этот парад паранойи? — Сначала было тяжело, — Хилен вздохнула, и её взгляд на мгновение стал задумчивым, устремлённым куда-то сквозь вековые деревья. — Мне казалось, что я тону в их коллективной тревоге. А потом я поняла: им всем просто нужен кто-то, кто не станет их осуждать. Когда уставший клерк протягивает мне рецепт,

а у самого пальцы дрожат так, что бумага рвётся, я не просто выдаю ему пачку таблеток. Я смотрю ему в глаза. Спокойно, без жалости, просто давая понять: я вижу твою боль, и это нормально. Ты не один. Она сделала шаг навстречу Митчеллу и мягко коснулась его плеча.— Ты думаешь, твои «бесы» уникальны, Митч? Половина нашей провинции живёт на каплях и антидепрессантах, упрямо пряча свои голоса в затылке под масками приличных граждан. Но они одиноки в своём страхе. А у тебя есть я. Моя работа научила меня главному — лекарства лишь притупляют симптомы. Настоящее спасение начинается тогда, когда кто-то готов разделить с тобой твою темноту. Митчелл слушал её, и внутри него нарастал странный, глубокий гул — но это был не гул паники. Это был мощный, вибрирующий отклик жизни, ломающий многолетнюю изоляцию. Под вековыми дубами парка Чехова, слушая признания тихой аптекарши, он окончательно понял: его крепость пала, но он больше не был беззащитен. Они вернулись, когда майские сумерки уже окончательно задушили город Аш, окрасив панельные многоэтажки в ровный, мертвенно-сизый цвет. Парк Чехова с его вековыми дубами остался позади, словно прекрасный, но недолговечный сон, а реальность снова встретила их привычной прохладой лестничных пролётов и запахом казённой побелки. Квартира Митчелла встретила их оглушительной, осязаемой тишиной. Здесь, внутри этих четырёх стен, воздух казался застоявшимся и холодным, несмотря на весеннее тепло за

окном. Полумрак по-хозяйски расположился в углах коридора. Они раздевались молча, без лишних слов, в привычном ритме бытовых, до автоматизма отточенных движений. Шуршание снимаемых курток, глухой стук обуви о линолеум, тихий щелчок выключателя — но жёлтый свет в прихожей не принёс тепла, он лишь подчеркнул блёклость и пустоту этого жилища. Митчелл прошёл на кухню, не зажигая верхнего света. В тусклом сиянии уличного фонаря, пробивающегося сквозь кухонное окно, его силуэт казался угловатым, почти бесплотным. Он медленно опустился на табурет у старого деревянного стола — точно такого же, какой сиротел в заброшенном гараже на окраине города. Его руки бессильно легли на прохладную, чистую поверхность. В этой позе, в этом одиноком изгибе плеч сквозила такая первобытная, невыносимая тоска, что Хилен, застывшая в дверном проёме, на мгновение перестала дышать. Митчелл поднял голову. Его глаза, скрытые тенью, казались двумя бездонными чёрными провалами. Он едва заметно шевельнул пальцами, как бы маня Хилен к себе, приглашая её сделать последний, самый страшный шаг в его личную темноту. — Подойди поближе, малыш, — его голос прозвучал странно: в нём не было прежней пугливости, только звенящая, пугающая пустота, от которой по стенам холодной кухни словно пробежали ледяные трещины. — Не забывай, ты мне дорога. Очень дорога, Хилен. Но сейчас... пообещай, что не закричишь. Просто пообещай мне это. Хилен сделала шаг вперёд. Её шаги

были бесшумными, лёгкими. Она подошла к столу, не спуская с него своего тёплого, привычного взгляда аптекарши, готовой принять любую человеческую поломку. Митчелл потянулся к её руке, поймал её прохладные пальцы и медленно, с какой-то отрешённой покорностью судьбе, опустил их себе на макушку, в густые, растрёпанные волосы. — Потрогай мою голову... — прошептал он, закрывая глаза. — Там рога. Пальцы Хилен погрузились в его волосы и тут же наткнулись на что-то твёрдое, чужеродное. Под подушечками её пальцев, прямо из черепа Митчелла, прорастали настоящие, острые, покрытые костяными наростами рога. Те самые рога беса, о которых он твердил все эти годы. Это были не выдумки параноика, не метафора израненной социофобией души и не голоса в затылке. Это была физическая, твёрдая, пугающая реальность. Бесы не просто стояли у него за спиной — они проросли сквозь него, забирая его тело себе. В тусклом свете из окна Хилен смотрела на его бледное лицо, на эти жуткие, уродливые выросты, ломающие человеческую анатомию. В голове тихой аптекарши из города Аш, привыкшей иметь дело с аккуратными рецептами, латинскими названиями и белыми пачками таблеток, воцарилась звенящая, абсолютная пустота. Она смотрела на Митчелла, и внутри неё медленно, но отчётливо кристаллизовалось одно-единственное знание. Леденящее знание о том, что от этого — от того, что сейчас находилось под её ладонью в этой тёмной, застывшей квартире — ни в её аптеке на углу Ленина, ни во всём остальном

мире лекарств никогда не найдётся...

Клиент Всегда Прав

Зимняя ночь в городе Аш — это глухая, беспросветная стена из колючего ледяного тумана и липкого полярного мрака. В такие часы редкие уличные фонари светят тускло, едва пробивая серо-синюю пелену, а редкие прохожие зарываются носами в шарфы, торопливо перебирая ногами по обледенелому асфальту. Город кажется вымершим, замороженным в своём извечном провинциальном анабиозе. Всё живое стремится спрятаться в душные бетонные коробки, поближе к батареям и телевизионному гулу. Но этой ночью всё было иначе. По разбитым тротуарам, упрямо преодолевая сугробы, шёл человек. Один Курьер огромное солнце по городу нёс. На нём буквально горела одежда — дешёвая форменная куртка ядовито-жёлтого цвета тлела на плечах, от неё валил густой, сизый пар, а плотная ткань за спиной шла крупными пузырями от невыносимого, первобытного жара. Каждое его движение отзывалось сухим, раскатыстым треском. За плечами курьера висел огромный, прямоугольный термокороб, но внутри него лежала не еда и не коробки из интернет-магазинов. Там пульсировало, дышало и плавилось ослепительное, неистовое дневное светило. Рядом с ним мёртвая зимняя ночь мгновенно, без боя сдавалась, превращаясь в знойный, удушливый летний полдень. Снег под его тяжёлыми ботинками не просто таял — он со

свистом испарялся, обнажая сухой, потрескавшийся от жары прошлогодний асфальт. Голые, обледенелые ветви придорожных берёз в секунду выпускали клейкие зелёные листья, которые тут же скручивались и высыхали от суховея. Воздух вокруг курьера дрожал и плавился, как над раскалённой плитой. Это был ослепительный, карающий свет. И жители города Аш отворачивались от этого света. Они испуганно зажмуривались, закрывали лица ладонями и с проклятиями задергивали плотные шторы в своих квартирах. Водители редких легковушек били по тормозам, ослеплённые внезапной вспышкой, и в панике сворачивали во дворы. Никто не хотел смотреть на солнце. Город, привыкший к полумраку, паранойе и сплину, панически боялся этого чистого, безжалостного тепла. Люди шептали вслед упрямой фигуре: «Сумасшедший... Сектант... Террорист...» Но курьеру было наплевать. У него был Заказ. А в приложении на дешёвом смартфоне, экран которого уже шёл цветными пятнами от тепла, светилась непреклонная надпись: «Доставить до двери. Клиент всегда прав». Курьер вошёл в подъезд типичной серой девятиэтажки. Стены, покрытые казённой зелёной краской, мгновенно пошли трещинами. Старая побелка посыпалась на пол сухим дождём. В воздухе резко запахло гарью и перегретым бетоном. Последний коридор казался бесконечным. Лифт, вызванный курьером, ехал на удивление медленно, чуть пошатываясь на металлических тросах, словно уставший, измученный старик. Внутри кабины стоял

жуткий скрежет. Зеркало на стене лифта покрылось сеткой мелких трещин от перепада температур. Курьер стоял, тяжело дыша, и с его обгоревших манжет на грязный пол капали светящиеся капли расплавленного тепла. Шаг из лифта. Короткий коридор, застеленный рваными ковриками. Дверь квартиры номер сорок семь. Курьер нажал на кнопку звонка. Пластик под его пальцем мгновенно оплавился, превратившись в чёрную липкую массу. Дверь отворилась. На пороге стояла Девушка. На ней был лёгкий домашний халат, а в глазах застыло ровное, скучающее выражение человека, который привык получать всё по первому клику. Она даже не зажмурилась от хлынувшего в коридор ослепительного, плавящего стены полуденного света. Она лишь окинула курьера оценивающим, холодным взглядом, словно перед ней стоял не живой факел, несущий солнце, а обычный вешалка для одежды. Курьер молча, преодолевая жуткую боль в обожжённых руках, снял с плеч пылающий короб. Он открыл крышку, и из недр рюкзака вырвался такой сноп золотого огня, что в подъезде с треском полопались все лампочки. Он протянул ей сияющий, пульсирующий шар, готовый отдать это тепло, ради которого он сжёг свои вещи и кожу. Девушка равнодушно посмотрела на солнце. На её лице не отразилось ни капли восторга, ни капли страха. Она лишь брезгливо повела плечом и поджала губы. — Простите, это не мой размер, — скучающим, капризным голосом произнесла она, даже не прикоснувшись к подарку. — И вообще... вооб-

ще я больше хочу Луну. Она как-то эстетичнее смотрится в этом сезоне. А это... это слишком вычурно. И горячо. Мне не подходит. В коридоре повисла тяжёлая, звенящая тишина. Слышно было только, как трещит ткань куртки курьера и как тяжело бьётся в коробке отвергнутое светило. Мелкие демонята города Аш, если бы они были здесь, наверняка рассмеялись бы в этот момент. Столько сил, столько боли, столько сожжённых километров — ради короткого: «не мой размер». Курьер не стал спорить. Он не кричал, не доказывал свою правоту и не пытался объяснить, чего ему стоило донести это солнце сквозь полярную ночь. Он был частью этой системы. Системы, где каприз потребителя священ.— Ничего страшного, я верну товар, — тихо, но твёрдо ответил он. Курьер аккуратно опустил крышку короба, пряча солнце обратно в темноту. Ослепительный полдень в подъезде мгновенно погас, уступая место прежнему, сырому и холодному мраку. Ржавая дверь квартиры захлопнулась с глухим, равнодушным стуком. Щелкнул замок. Клиент сделал свой выбор. Курьер повернулся и зашагал назад. Его шаги по лестнице были тяжёлыми, медленными. Силы покидали его, обгоревшая куртка осыпалась чёрным пеплом на бетонные ступени. Он выкатился из подъезда обратно в ледяную ночь города Аш. Солнце в его рюкзаке больше не грело так сильно — оно угасало, раненое человеческим равнодушием. Зима снова возвращала свои права, сковывая лужи льдом. Курьер шёл по тёмной улице, опустив голову. Он проиграл. Заказ

был отменён. Но если бы вы только видели тот закат... В ту самую минуту, когда курьер закрывал короб, на самом краю горизонта, над серыми, унылыми крышами панельных микрорайонов города Аш, небо вдруг разорвалось невероятным, фантастическим пожаром. Это угасающее солнце, перед тем как окончательно спрятаться, выплеснуло в атмосферу всю свою нерастраченную нежность. Небо окрасилось в безумные, пронзительные тона — от ядовито-розового и багрового до глубокого, раскалённого золота. Весь город на несколько секунд замер, залитый этим прощальным, торжественным светом. Окна многоэтажек вспыхнули, как чистые алмазы, а серый бетон показался благородным мрамором. Это был закат великой, неразделенной любви. Самый красивый закат в истории города Аш, который увидели все, кроме той, для кого это солнце предназначалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.